

УДК 94(47) “1876/1911”+908

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ СИМБИРСКОЙ ЕПАРХИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Е. А. Елисеева

В настоящей статье рассмотрены девиации и их причины в поведении насельниц женских монастырей российской провинции. Исследование основано на архивных материалах по Симбирской епархии второй половины XIX – начала XX вв. Настроение в монастырях контролировалось настоятельницами и духовными органами власти. Одной из причин проявления девиантного поведения насельницами являлось отсутствие обще-жительных уставов в обителях и как следствие – частые контакты девушек с городским населением. Немалую роль играл сословный состав монастырей: во второй половине XIX в. отмечено постепенное окрестьянивание обителей России. Представительницы крестьянского сословия зачастую искали в женских монастырях удовлетворение жизненных потребностей, а не место для спасения души. Принадлежность монастыря к штатам являлась еще одной причиной частых контактов девушек с мирским населением.

Ключевые слова: насельницы, настоятельница, женская обитель, устав.

Институт женского православного монашества не раз становился объектом самостоятельного исследования в области гуманитарных дисциплин. Однако женские монастыри, существовавшие на территории Симбирской епархии, в настоящее время еще не рассматривались исследователями. Историографию данной темы можно разделить на три периода. Дореволюционную литературу о положении женского монашества формируют фундаментальные и статистические работы Е.Е. Голубинского, Л.И. Денисова, Н.И. Баженова, А.К. Яхонтова [1-4]. Так же до революции к проблеме положения женщины духовного сословия в обществе обращались такие исследователи как А.Н. Муравьев, Д.И. Ростиславов [5, 6]. Данные работы сформировали прочный фундамент для историков постсоветского общества. В советской историографии женские обители рассматривались крайне фрагментарно, в рамках антирелигиозной пропаганды. Такие работы подчеркивали контрреволюционные идеи монашества и всей православной церкви М. Горев, Н. Буркин, В.Ф. Зыбковец [7-9]. В современной

исторической науке, используя новые методы исследования, появились региональные исследования Е.А. Антоненко, Т.В. Балашова [10, 11]. Затрагиваются новые аспекты женского вопроса Е.В. Беляковой, А.Н. Беляковой, Е.Б. Емченко, А.Г. Фот, О.Д. Поповой, В.В. Савичевой [12-15]. Благодаря использованию новых методов и подходов, привлечению ранее не опубликованных и не изученных исторических источников формируется представление о женском монашестве как историко-культурном феномене. В данной статье мы предпримем попытку проанализировать девиации в поведении монашествующих и послушниц провинциальных женских монастырей второй половины XIX – начала XX вв.

Во второй половине XIX века в России наблюдается постепенная «феминизация» института православного монашества. Объектом исследования в данном исследовании являются Симбирский Спасский, Сызранский Сретенский, Старо-Костычевский Смоленский женские монастыри. Они располагались на территории Симбирской епархии, Сызранский и Симбирский монастыри являлись

© Елисеева Е. А., 2020.

Елисеева Екатерина Александровна (ekaterina.mironcheva@yandex.ru), аспирант исторического факультета Самарского университета, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

штатными обителями, Старо-Костычевский – заштатной. Принадлежность к штатам влияла на монастырский бюджет.

В делопроизводственной документации Симбирской Духовной консистории сохранились ведомости состава монашествующих и послушниц. Так, штат обителей формировался представительницами практически всех сословий: купечество, дворянство, мещанство, крестьянство. Большой процент от общего числа насельниц был представлен выходцами из крестьянского сословия. Отсюда можно сделать вывод, что социальный состав провинциальных обителей был преимущественно простонародным. В начале XX века число представительниц купеческого и дворянского сословий свелось к минимуму. Причиной этого являлись модернизации общественного устройства второй половины XIX в. Они коснулись и проблемы положения женщины в обществе. Женщина стремилась выйти за рамки традиций Русской Православной Церкви, регулировавших ее повседневные практики, в частности семейную жизнь. У городских женщин наблюдалась трансформация гендерной идентичности под действием развивающихся инфраструктур, прогрессивных периодических изданий. Это демонстрировали новации в их поведении, ломка традиционного стиля жизни. Женщины постепенно переставали актуализировать внимание лишь на благотворительных практиках. Стремление к послушницеской жизни и личному благочестию угасало. Гендерные процессы в городе оказали влияние на сословно-сестринский состав монастырей. Со второй половины XIX в. начинается уменьшение количества представительниц привилегированных сословий в общей массе насельниц женских обителей [16]. При этом исследователь монашества П.Н. Зырянов отмечает, что в 1860-е гг. в сознании молодых девушек дворянского и разночинского сословий была популярна идея «возвращения долга народу». Она включала в себя «хождение» в послушницы монастырей [17]. Стоит отметить, что на гендерную асимметрию в обществе обращали внимание не только женщины столичных городов, но и проживавшие в провинциальных центрах российских губерний. Поскольку в пореформенный период город трансформировался в одно из средств

«модернизации общества, формирования и оживления общественного мнения» [18, с. 5].

Что касается представительниц крестьянского сословия пореформенной деревни, то, традиционное воспитание формировало в их сознании систему общепринятых ценностей: семья, хозяйство и быт [19]. Изменения всех сторон жизни в пореформенной России способствовали эволюции сознания крестьянской девушки в сторону свободы принятия решений. Тем самым некоторые крестьянки определяли для своей жизни монашеский путь. Одним из явлений духовной религиозной жизни деревни было черничество. Черничками называли монашествующих в миру, т.е. девушек, следовавших монашеским традициям, но живших при этом в деревне [20]. Чернички, по мнению Тульцевой Л.А., приобщали крестьянское сословие к церковнославянской грамоте. Автор выделяет два типа черничек: домашние и келейницы. Явление черничества Тульцева определяет как подготовительный этап крестьянских девушек к монашеской жизни. На учительскую, педагогическую роль черничек-келейниц обратила внимание исследователь М.М. Громько [21]. Громько, в свою очередь, черничек-келейниц разделила на отшельниц и подвижниц. Явление черничества говорит о православном начале в сознании крестьянских девушек [22]. Чернички представляли в своем лице духовный эталон, идеал религиозно-аскетической жизни для крестьянских девушек. Именно поэтому часть черничек и других представительниц крестьянского сословия в последующем выбрали послушницеское служение уже в стенах женских монастырей.

Исследователи темы женского монашества выдвигали различные гипотезы относительно причин, по которым девушки уходили в монастыри. По мнению П.Н. Зырянова, женские обители способствовали повышению статуса представительницы крестьянского сословия в обществе [17]. Л.И. Денисов, считает, что монастырь привлекал девушек возможностью удовлетворения своих жизненных потребностей в пище, одежде, жилье [2]. И.К. Смолич, ссылается на религиозные мотивы, которыми руководствовались девушки [23]. Это основные причины ухода девушек в обители, при этом каждая епархия

Российской империи сохраняла индивидуальные особенности внутреннего устройства монастырей. Об этом свидетельствуют ведомости состава послушниц и монашествующих и отчеты настоятельниц монастырей в Духовные Консистории.

Стоит отметить, что численность послушниц в обителях России доминировала над монахинями. К примеру, в 1913 г. число вторых составляло 7300 человек, а послушниц – 20268 [24]. Это говорит о том, что девушки не спешили переходить в официальный статус монашествующих. Они занимали удобное социальное положение, сохраняя за собой свободу выбора дальнейшего пути. По нашему мнению, это тоже являлось результатом социальных и имущественных расслоений пореформенного периода.

Количество женских монастырей, указанное в отчетах обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода, включало и женские общины. Они являлись неким преддверием монастырей, переходным этапом от мирской жизни к монашеской. Согласно В.В. Зверинскому появлению женских общин способствовали церковные реформы 1764 года [25]. Образование женских общин происходило благодаря личному почину подвижниц. Зачастую девушки организовывали их при богадельнях. Увеличиваясь территориально, по количеству насельниц, осуществляя культовые и внекультовые практики, общины получали официальный статус женских монастырей.

Женские монастыри были как физически, так и духовно закрыты от городской жизни. Девушки могли выйти за ворота монастыря только с разрешения настоятельницы и по уважительной причине. Поведение насельниц, их связь с внешним миром регулировал монастырский устав. По уставному признаку женские обители ранжировались на общежительные и необщежительные [26, с. 8]. Стоит отметить, что Сызранский Сретенский женский монастырь был общежительным, т.е. с нераздельным имуществом, общей трапезой, одеждой. Насельницы трудились на монастырских земельных участках с целью обеспечения жизнедеятельности всей обители [27, л.11 об.].

Что касается девиаций в поведении насельниц, то в Сретенском монастыре был зафиксирован лишь один случай, связанный с

лжесвидетельством. Это был процесс по делу монахини Паисии (Анны Уваровой Железняковой) в 1876 году. Монашествующую обвиняли в краже банковского билета и порчи собственного лица [28, л. 8]. Настоятельница монастыря игуменья Мария написала объяснительное письмо, где отметила Железнякову как «лицо непричастное, с любовью относящееся к монашеской жизни» [29, л. 17]. В 1877 Симбирский окружной суд оправдал Анну Железнякову в связи с отсутствием доказательств ее вины, и дело было закрыто.

Спасский монастырь относился к классу необщежительных. Отсюда следует, что монашествующие работали больше на себя и чаще могли покидать территорию обители с целью налаживания имущественных отношений. Согласно документам регламентации жизни в женских монастырях в 1911 году в Симбирской обители было замечено немало недостатков. «Повседневная жизнь инокинь поглощается трудом почти исключительно направленном к добыванию средств для содержания и обеспечения. Каждая из них смотрит на обитель как на место для спокойной жизни, удобное для приложения труда в личную пользу. Преследование личных интересов, печение о средствах содержания представляет отрицательную сторону жизни, нарушение монашествующих обязанностей» [30, л. 4]. Инокини часто отлучались за стены монастыря без получения на это разрешения от настоятельницы. Такое поведение было категорически запрещено в Сретенском общежительном монастыре. Отсюда мы видим, что уставная классификация оказывала прямое влияние на формирование мышления у монашествующих и послушниц в женских монастырях.

После данного доклада в Симбирской обители решено было ввести общежительный устав. Против введения общежитий организован бунт, зачинщицами которого выступили две монахини Елизавета, Рафаэла и Антония. [27, л. 45]. Симбирская духовная консистория постановила распределить зачинщиц по уездным монастырям с целью перевоспитания.

Однако территориально-географическое расположение женских обителей в Симбирской епархии не ограничивалось городами. В конце XIX века в селе Старые Костычи Сызранского уезда была учреждена

Смоленская женская община. В последующем благодаря активной культовой и внекультовой деятельности, она получила статус третьеклассного женского монастыря. Община функционировала согласно уставу, который ей дал ее учредитель старец Пантелеймон. Но в отличие от вышеописанных обителей, Старо-Костычевский монастырь не входил в число штатов, т.е. обеспечивал жизнедеятельность сам [26]. К недостаткам внутреннего устройства монастыря Симбирская Духовная консистория отнесла частые выходы насельниц за территорию обители. Из-за финансового неблагополучия вода монастырем приобреталась на личные средства насельниц. «Имеющаяся в том монастыре баня, вследствие дороговизны отопления» никогда не отапливалась, поэтому насельницы вынуждены были ходить «в бани по селу» [27, л. 12 об.]. Данное явление шло в разрез с регламентом жизни в общежительных монастырях. В рапорте для Симбирской Духовной консистории казначея монахиня Серафима писала: «во исполнение указа от 1911 года, я очень затрудняюсь что-либо ответить какие меры можно принять к благоустройству монастыря, потому что сестры монастыря с давних пор привыкли жить каждая для себя и устанавливать новую жизнь может только новая настоятельница» [27, л. 30]. На этот недостаток указывал в своем рапорте и благочинный Сызранского уезда Николай Орлов. «Послушницы коих в монастыре выше 100 привыкли к полному самоволию, приходили в монастырь не ради спасения души, а ради легкой жизни, а потому для новой настоятельницы предстоит много труда и неприятностей, чтобы установить среди послушниц тот порядок, который требуется указом Святейшего Синода». Итак, можно заметить, что наличие устава в Смоленской обители не исключало нарушений в соблюдении его норм насельницами. Следовательно, официальное признание монастыря общежительным не гарантировало отсутствия отклонений в поведении насельниц. Они поступали в монастырь «не по внутреннему влечению к иночеству, а ради спокойного обеспечения своей жизни» [12, с. 239].

Итак, можно прийти к выводу, что на поведение послушниц и монашествующих женских монастырей оказывал влияние сословный

состав, уставная и штатная структура и уровень контроля настоятелей. В уездном общежительном монастыре поведение насельниц было регламентировано монастырским уставом, за соблюдением которого строго следила настоятельница. В связи с этим насельницы, осуществляя культовые и некультовые практики, не нарушали норм поведения. Необщежительный женский монастырь был больше интегрирован в социокультурное городское пространство. Такая же проблема была и у нештатной Старо-Костычевской обители. Из-за недостатка средств насельницы часто покидали ее территорию. Практики взаимодействия с мирским населением отрицательно сказывались на духовной деятельности монастыря.

Литература

1. Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М.: Тип. Э. Лиссер и Ю. Роман, 1880-1911. Период второй. Московский: От нашествия монголов до митрополита Макария включительно: Первая половина тома. М.: Императорское Общество истории и Древностей Российских при Московском университете, 1900, 919 с.
2. Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М.: Издание А. Д. Ступина, 1908. 984 с.
3. Баженов Н. И. Статистическое описание соборов, монастырей, приходских и домовых церквей Симбирской епархии по данным 1900 года. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева., 1903. 372 с.
4. Яхонтов А. К. Город Сызрань и его достопримечательности: (Ист.-церк.археол. описание). Симбирск: типо-литография А. Т. Токарева, 1901-1902. 96 с.
5. Муравьев А. Н. Мысли светского человека о книге «Описание сельского духовенства». СПб.: типография Королева и К°, 1859. 16 с.
6. Ростиславов Д. И. О белом и черном духовенстве в России. Т. 1. Лейпциг: Ф. Вагнер, 1886. 674 с.
7. Горев М. Церковные богатства и голод. М.: Гиз, 1922. 8 с.
8. Буркин Н. Монастыри в России. М. Безбожник, 1931. 40 с.
9. Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917-1921 гг.) М. : Наука, 1975. 208 с.

10. Антоненко Е. А. Женские монастыри в Центральном Черноземье: XX – начало XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2017. 22 с.
11. Балашова Т. В. Московские монастыри в социо-культурной среде стличного города второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 25 с.
12. Белякова Е. В., Белякова А. Н., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 702 с.
13. Фот А. Г. Женщина духовного сословия в русском обществе второй половины XIX века: отечественная историография проблемы // Вестник Оренбургского Государственного педагогического университета. 2017. № 4 (24). С. 157-169.
14. Попова О. Д. В стенах конвикта (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань: Поверенный, 2006. 276 с.
15. Савичева В. В. Портрет жены священнослужителя во второй половине XIX — начале XX века (по материалам Вологодской епархии) // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем. М., 2010. Т. 1. С. 160—165.
16. Елисеева Е. А. Социальный состав насельниц Сызранского Сретенского женского монастыря второй половины XIX в. // Центр и периферия. Саранск, 2019. №4. С.30-33.
17. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX века. М.: Вербум-М., 2002. 319 с.
18. Кошман Л. В. Русский город в XIX веке: социокультурный аспект исследования: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГУ, 2001. 44 с.
19. Шаповалова С. П. Крестьянская женщина Центрального Черноземья в 60-90-е гг. XIX века: Исторический портрет: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Воронеж, 2003. 22 с.
20. Тульцева Л. А. К этнопсихологической характеристике одного типа русских женщин: Христовы невесты (чернички) // Мужчина и женщина в современном мире: Меняющиеся роли и образы. М., 1999. С. 282-292.
21. Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. 274 с.
22. Колесникова В. Л. Женщина духовного сословия второй половины XIX – начала XX столетия: исторический портрет: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Белгород, 2007. 23 с.
23. Смолич И. К. Русское монашество. 988-1917. Жизнь и учение старцев. М.: Православная энциклопедия, 1997. 606 с.
24. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. Петроград: Синодальная тип., 1915. 235 с.
25. Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т.1. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1890. 314 с.
26. Барсегян Т. В. Типология православных монастырей России // Монастыри в жизни России. Калуга; Боровск, 1997. С. 6-10.
27. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.134. Оп.3, Д.1136.
28. ГАУО. Ф.134. Оп.2, Д. 96.
29. ГАУО. Ф.134. Оп.7, Д. 514.
30. Сызранский филиал Центрального Государственного архива Самарской области (Сф ЦГАСО). Ф.26. Оп.5, Д.100.

DEVIAN BEHAVIOR IN THE NUNNERY OF THE SIMBIR EPARCHY OF THE SECOND HALF OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

E. A. Eliseeva

This article discusses the deviations and their causes in the behavior of natives of convents in the Russian province. The study is based on archival materials on the Simbirsk eparchy of the second half of the XIX - XX centuries. The mood in the monasteries was controlled by the abbesses and the spiritual authorities. One of the reasons for the manifestation of deviant behavior by the natives was the lack of sociable charters in the cloisters and, as a result, the frequent contacts of girls with the urban population. An important role was played by the estate composition of monasteries: in the second half of the 19th century a gradual modification of the cloisters of Russia was noted. Representatives of the peasant estate often looked for in women's monasteries the satisfaction of vital needs, and not a place for the salvation of the soul.

Key words: natives, abbess, nunnery, charter.

Статья поступила в редакцию 08.07.2020 г.